

Валерий Сдобняков. Виктория Трофимовна, ваши интересы в изучении русской литературы, как известного учёного, профессора, доктора филологических наук, разнообразны, знания в этой сфере глубоки и обширны, но мне бы хотелось в первую очередь спросить о том, как произошло, что изучение творчества И.С.Шмелёва оказалось одним из главных направлений в вашей научной и педагогической деятельности. Чем произведения этого замечательного русского писателя стали именно для вас так дороги?

Виктория Захарова. Уважаемый Валерий Викторович! Очень признательна вам за внимание к моим научным интересам. Действительно, И.С.Шмелев стал для меня одним из самых почитаемых и любимых писателей. И начать мне бы хотелось с первой части вашего вопроса: как это произошло. Как писатель русской эмиграции Шмелев «возвратился» к нам лишь в 1980-е годы и лишь с небольшой толикой произведений из его ранней прозы. Вот с ними я и познакомилась, когда вышел такой однотомник. Шмелев привлек к себе сразу, своей поэтичной взволнованностью, своим горячим стремлением сказать читателю самое сокровенное, что открылось ему, что открывалось его героям: человек прекрасен уже оттого, что он нерасторжим с прекрасным Божьим миром, сопрягающим земное и Небесное. Это обнаруживается во всех его ранних рассказах: «Под Небом», «Гражданин Уклеikin», «Человек из ресторана» и многих других. С этими «многими другими» в те далекие годы мне пришлось знакомиться, на сегодняшний взгляд, весьма экзотическим путем. Кое-что оказалось возможным разыскать в редких фондах нашей институтской и областной библиотек. Но главный источник редкостей всегда был МБА – межбиблиотечный абонемент, существующий, спасибо, и поныне. А экзотика заключалась в том, что в до цифровые времена присылалась фото пленка с отснятыми текстами, и читать нужно было через проектор на экране, как диафильмы для детей! И – конспектировать... А когда уже открылись русла и в страну двинулся мощный поток «возвращенной» литературы, все могли познакомиться уже с его главными шедеврами – автобиографическими повествованиями «Богомолье», «Лето Господне» – и другими прекрасными творениями («Няня из Москвы», «Пути Небесные»). Началось планомерное изучение

творчества писателя. Незабываемым событием стало организованное ИМЛИ РАН и Российским Фондом Культуры перезахоронение праха Ивана Сергеевича Шмелева и его жены Ольги Александровны по его завещанию в некрополе Донского монастыря. Мне посчастливилось быть приглашенной на это знаковое и трогательное событие. К сожалению, полностью выполнить завещание И.С.Шмелева не удалось (похоронить его рядом с могилой отца), так как в советские годы некрополь был сильно разрушен. Панихиду служил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Незабываема его речь на паперти монастыря, в которой Патриарх назвал И.С.Шмелева «великим русским православным писателем».

На Международной научной конференции в ИМЛИ РАН в те дни мы познакомились с профессором Сорбонны Ивом Жантиньомом-Кутыриным, внучатым племянником жены И.С.Шмелева, которого Шмелевы воспитывали в 20-е годы во Франции, привезшим в дар архив И.С.Шмелева. Эти архивы помогли и помогают понять масштабность, глубину художественного творчества писателя в эмиграции. Не могу не сказать здесь и о значении Крыма в моем постижении Шмелева. Ведь там прошли несколько самых драматичных лет его жизни, пережитая гибель сына. Там была написана непревзойденная «Неупиваемая Чаша» и – «Солнце мертвых», произведение, которое не имеет себе равных в литературе о революции и Гражданской войне по своему скорбному и одновременно просветляющему тьму христианскому пафосу. С начала 1990-х годов в Алуште на базе музея С.Н.Ценского стали проходить Международные Шмелевские чтения, организатором которых был директор объединенных музеев – Ценского и Бекетовых – В.П.Цыганник (умер в 2020 году). В 1993 году был открыт и музей И.С.Шмелева, – все мы, участники чтений, ходатайствовали своими письмами в поддержку такого начинания. В нынешнем году прошли XXVI чтения. Безусловно, участие в таких событиях, многолетнее коллегиальное общение с прекрасными специалистами по творчеству И.С.Шмелева помогает мне открывать все новые грани его творческого наследия, которое, как нетрудно убедиться, познакомившись с ним, являет собой национальное достояние.

В.С. Я помню то ошеломляющее впечатление, которое произвели первые прочитанные мною книги Ивана Сергеевича – сначала «Лето Господне», затем «Старый Валаам» и уже далее все остальные. Но именно «Лето Господне» легло на «подготовленную почву». В надвигающейся новой русской смуте я искал духовную опору, чтобы её пережить. Ещё три года оставалось до уничтожения СССР, но я видел, что большинство русских людей находятся в убийственной эйфории, не понимают, что на выбранном «новом» пути их ждут судьбоносные испытания, которые не всем удастся выдержать, преодолеть. Я думал об истории своей страны, своих предков, пытался в том, далёком прошлом, найти ответы на возникшие вопросы. И, честно скажу, находил, духовно укреплялся ими. Но то, что сотворила с моим самосознанием книга «Лето Господне», трудно с чем либо сравнить в моей жизни – и до, и после прочтения этого великого произведения. Оно помогло осознать единство с ушедшими поколениями родных для меня людей, которые с одной стороны, отцовской, происходили из глубинки Нижегородской губернии, с другой, материнской, из Малороссии и Сибири. С вами, Виктория Трофимовна, подобное не происходило?

В.З. Безусловно, в эпоху возвращения закрытой для читателей литературы, открылось столь многое, что просто невозможно переоценить это духовное явление. Мир русской веры, особенно ярко, несравнимо с другими писателями, воссозданный именно в книгах И.С.Шмелева, благодатно воздействовал и на мое сознание, и сознание моих близких. Да, в нескольких поколениях, и нашем, и моих родителей органически вос-

становилась связь времен. Наша семья тоже имеет различные корни: и нижегородские, и украинские, и белорусские. Мой отец на Горьковском автозаводе получил путевку в Балашовскую летнюю школу, годы Великой Отечественной войны и войну с Японией провел в небе. Я очень благодарна своим родителям за то, что дали нам понимание всего самого главного, что нужно понимать в жизни.

Возвращаясь к творчеству И.С.Шмелева, должна сказать, насколько важными мне представляются его произведения, связанные с темой принятия веры теми русскими интеллигентами, для которых она оказалась на какое-то время далека по разным причинам. Об этом его незавершенный роман «Пути небесные», чудесный рассказ «Куликово поле». Да и не только интеллигентами: упомянутый мной рассказ «Человек из ресторана», ставший «визитной карточкой» Шмелева еще в 1910-е годы чего стоит!

В.С. Я думаю, что всё очарование, красота и философская глубина русской литературы вам открылась до того, когда вы прочитали первые произведения писателей, вынужденно иммигрировавших из революционной России. Тут я сужу по темам тех статей, книг и монографий, которые вами опубликованы. А вообще, Виктория Трофимовна, ваш выбор филологии, сначала как студентки, а затем как сферы научных интересов, был, в определённой мере, случайным, или за этим уже стояло нечто, он был осознанным? Когда вы решили стать педагогом?

В.З. Конечно, вы правы, красота русской литературы открывается не в зрелом возрасте: каждому человеку, я уверена, она открывается с детских лет. Конечно, в первую очередь, привлекала русская классика. Значительную роль в этом сыграли мои учителя. Когда пришла пора определяться с выбором профессии, для меня было ясно, кем стать. Пусть это звучит весьма банально, но именно в том, чтобы нести ученикам, молодым людям то, что открылось и открывалось непрерывно в великой национальной сокровищнице, какой является наша родная литература, виделся мне важный смысл. Ответственность учителя мне видится, прежде всего, в том, что он всегда «полпред» – настоящий полномочный представитель русских писателей и поэтов в любой аудитории. Что касается моих личных научных дорог, то все определялось обстоятельствами: когда в начале 1980-х я начала работать на кафедре литературы Горьковского государственного педагогического института им. М.Горького, мне поручили курс русской литературы конца XIX – начала XX века, – то есть, Серебряного века, хотя под таким именованием он тогда не существовал. Этот период имеет свою особую роль в национальном литературном процессе, и именно художники этого периода вскоре оказались в вынужденном изгнании и были надолго изъяты из истории нашей литературы. Изучение их эмигрантского творчества логически продолжилось в эпоху уже «возвращенной литературы».

Необходимо сказать, что эмигрантская литература сегодня уже надёжно вошла в историю национального литературного процесса. Сбылись надежды известного эмигрантского мыслителя Глеба Струве, который писал: «Русская зарубежная литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который, придет время, вольется в общее русло этой литературы». И современный читатель, познакомившийся с произведениями Ив. Бунина, Ив. Шмелева, Б.Зайцева, Л.Зурова, «русского осетина» Гайто Газданова, многих других прекрасных русских писателей, не сможет не ощутить, что это – великое наследие, исполненное любви к своей Родине, впитавшее национальные духовные, – прежде всего, христианские традиции, – заключает в себе бесценный нравственный потенциал.

В.С. Мне кажется, мы теперь переживаем нечто парадоксальное в восприятии отечественной литературы, потому я и задал вопрос о слу-

чайности или не случайности вашего прихода в филологию, поинтересовался, как зародилась в вас любовь к литературе, литературному труду, к изучению его. Объясню, что я имею в виду, когда говорю о парадоксальности. Вся моя жизнь связана с книгой. И по сию пору помню, какое впечатление произвели на меня, мальчишку, ученика начальных классов, романы-сказки про Незнайку Николая Ивановича Носова. Особенно его «Незнайка на Луне». И далее, всю мою последующую жизнь я открывал для себя «особенных авторов», чьими книгами зачитывался. Все они, видимо, что-то меняли во мне, чем-то обогащали – ведь неспроста вдруг становилось, что я не мог оторваться от их книг. Так было с произведениями М. Горького, так было с повестями Владимира Тендрякова и Юрия Нагибина, Виктора Астафьева и Валентина Распутина, рассказами Василия Белова и очерками Владимира Солоухина. Наконец, не проходящая моя любовь в литературе – романы Томаса Манна, его «Будденброки», «Иосиф и его братья», «Волшебная гора»... Я их читал, разумеется, в переводе, и потому, отчасти, тоже отношу к «русской литературе». К тому же традиция русской классики в них явно ощущается. Но вот пришлось мне вести семинар молодых прозаиков в Калининграде, где я услышал от начинающих литераторов, что в советское время никакой литературы не было, они её не знают. А ведь преемственность с русской классической литературой у лучших советских писателей очевидна. Так почему же сегодня придаются забвению романы, повести и рассказы Юрия Бондарева, Василя Быкова, Чингиза Айтматова, Юрия Казакова... как некогда это случилось с творчеством И.А.Бунина и И.С.Шмелёва, произведениями Б.К.Зайцева и В.В. Набокова? Не повторяем ли мы прошлых ошибок?

В.З. Согласна с вами, Валерий Викторович. Парадоксальности в восприятии нашей литературы и было много, и до сих пор «хватает». Это важнейшая задача для думающего читателя: понимать и ценить нравственный потенциал каждого большого художника, независимо от социально-политических факторов. И должна вас порадовать хотя бы тем, что студенты, знакомые с «военной прозой» Э.Казакевича, В.Быкова, Ю.Бондарева, Б.Васильева, говорят о ней проникновенно, благодарно. Трогает их души и замечательная лирическая проза, о которой вы вспоминаете, и писатели-«деревенщики», и лирика «шестидесятников». Потребность в полномесном изучении литературы советского периода среди молодежи имеется. Однако, к сожалению, осуществить это так, как хотелось бы, сложно: программы наши включают в себя чрезвычайно малое количество часов на изучение русской литературы, и это вселяет большую тревогу.

В.С. Я убеждён, что духовное величие русской литературы в её многовековой неразрывности, единстве – от летописей и житий до произведений классиков последних веков. И ущемление в её изучении может большими бедами откликнуться нам в будущем. Как мне кажется, именно понимание этого привело вас к организации такого замечательного дела, как международная научная конференция «Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности», в рамках которой вы эти разные полюса русской литературы стремитесь соединить воедино. При открытии конференции вы предложили мне сказать приветственное слово, и я в своем выступлении подчеркнул: «Есть такое чудо – русская литература, до сих пор полностью необъяснимое и не разгаданное по своему влиянию на души людей. Эстетическая, нравственная, философская, религиозная, познавательная глубина её бездонна. В нашем собрании принимают участие те, кто пытается эту глубину постичь». Чтобы наши читатели ясно представляли, о чём идет речь, я назову некоторых авторов и приведу темы их докладов, прозвучавших на VIII конференции, прошедшей под вашим руководством в Нижегородском государственном педаго-

гическом университете им. Козьмы Минина (Мининский университет) в 2021 году. Это Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор, директор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: «И нам горька остылой жизни чаша...» Об очерке Б.А. Садовского «Лермонтов»; Ивона Ндьяй, доктор филологических наук, профессор Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Ольштын, Польша): «Нижний Новгород в польском очерке как постижение национальной ментальности»; Моника Сидор, доктор филологических наук, профессор Люблинского Католического университета Иоанна Павла II (Люблин, Польша), Елена Анатольевна Григорьева, докторант Люблинского Католического университета Иоанна Павла II (Люблин, Польша): «Дискурс Святого Серафима Саровского о христианской жизни в польском восприятии. На полях польского перевода «Беседы преподобного Серафима с Н.А. Мотовиловым»; Патрик Витчак, кандидат филологических наук, адъюнкт Университета Казимира Великого (Быдгощ, Польша): «Образ детства в прозе Василия Яновского в контексте традиции Максима Горького»; Йозеф Догнал, доктор филологических наук, доцент Университета им. Масарика (Брно, Чехия): «Публицистика М. Горького через сто лет: «Несвоевременное» (1914)»; Алексей Маркович Любомудров, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы Российской академии наук им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия): «Мы живы, работаем, любим родину». Poleмика о путях советской и эмигрантской литературы на страницах «Дневника писателя» Б. Зайцева»... Мне кажется, это перечисление совсем малой части прозвучавших докладов говорит само за себя о многом.

В.3. И в своем приветственном слове, и в приведенном выше материале вы верно указали на главный вектор нашей конференции: через постижение Нижегородского текста русской словесности обнаружить существование в истории отечественной художественной мысли всех времен мощного «питательного слоя» русской духовности, высочайшего нравственного потенциала. Мы с благодарностью всегда вспоминаем профессора нашего университета Вячеслава Васильевича Харчева, по сути, заложившего основы в изучении «Нижегородского текста» в своей книге «Нижегородская Атлантида» (2000 г.) За прошедшие годы с (2007-го) конференция сплотила вокруг своей проблематики многих ведущих ученых нашей страны, зарубежных коллег. Можно говорить уже о передаче эстафеты поколений. Вы назвали имя одного из наших польских гостей – Патрика Витчака; он является учеником известного ученого, титулярного профессора Польши Иоанны Мянвской, которая ранее приезжала к нам и перу которой принадлежит, в частности, такая книга: «Борис Зайцев – певец русского православия». Доктор Моника Сидор, тоже ранее неоднократно принимавшая участие в наших конференциях, в этот раз выступила в соавторстве со своей аспиранткой. Конечно, для всех нас очень важна и эта миссия конференции: привлечение европейских коллег к осмыслению феномена «Нижегородского текста», а через него – в целом нашей национальной словесности. Но, должна сказать, эту задачу – совместное научное и просветительское сотворчество – мы осуществляли в последние годы с польскими коллегами в рамках Летних школ для студентов, магистрантов и аспирантов при поддержке фонда «Русский мир» в 2017 г. («Мост над Волгой») и при поддержке Российско-польского центра «Диалог и согласие» в 2019 г. («Русская литературная эмиграция: лица, судьбы, книги»). Такого рода деятельностью занимается наш Научно-образовательный центр «Аксиология славянских культур». В 2020 г. «Диалог и согласие» вновь поддержал наш проект, но из-за эпидемиологической обстановки его реализация была отложена. Надеемся на следующий год. В этих Летних школах тоже принимали участие доктор Моника Сидор, адъюнкт Патрик Вит-

чак и другие коллеги из Польши. Да не покажутся слишком громкими мои слова, но полагаю, наша отечественная словесность – могучий фактор международной стабильности, взаимопонимания и дружбы между народами.

В.С. Да, это важная тема и вообще направление в деятельности Мининского университета. Но вернёмся к творчеству И.С.Шмелёва. Вас многие годы связывает дружба с музеем писателя в Крыму. Расскажите о нём подробнее: когда, как и кем он создавался, какова его деятельность по популяризации творчества писателя, что представлено в его экспозиции?

В.З. Я очень люблю музеи, глубоко почитаю всегда увлеченных своим делом их сотрудников, но к музею И.С.Шмелева у меня трепетное отношение. Ведь он связан с пребыванием писателя в Крыму в годы Гражданской войны. Мною уже упоминалось об этом. Наверняка любящие творчество Шмелева читатели знают о трагедии, постигшей писателя в связи с гибелью сына Сергея, приехавшего к родителям после ранения на фронтах Первой мировой, отправившегося по приказу революционных властей добровольно сдать имеющееся оружие, арестованного, а потом расстрелянного. В Алуште, на базе музеев С.Н.Ценского и музея-усадьбы А.Н.Бекетова, с 1980-х годов проходили Крымские чтения, посвященные русской литературе конца XIX- начала XX вв. А к началу 1990-х стало понятно, что главной темой здесь становится именно творчество И.С.Шмелева. Музей И.С.Шмелева, как я уже говорила, открыт в 1993 г. к 120-летию писателя, и его организатором, душой, был директор объединенных музеев кандидат филологических наук Валерий Петрович Цыганник. Особенно мне хотелось бы подчеркнуть вклад В.П.Цыганника в организацию и проведение Крымских Международных Шмелевских чтений, ставших благодаря его усилиям и усилиям всего коллектива музея ежегодным научным форумом. Так сложилось, что Музей И.С.Шмелева находится неподалеку от дома, где он жил, в доме, который принадлежал ранее известному ученому-химику В.Н.Бекетову, брату архитектора А.Н.Бекетова. Экспозиция интересна разного рода экспонатами: подлинниками писем и фотографий, книг из библиотеки Шмелева, подлинников изданий его произведений дооктябрьских и зарубежных лет, иллюстраций его произведений различными художниками. Просветительская деятельность музея разнообразна, интересна. Стоит сказать, что в день открытия музей был освящен архиепископом Крымским и Симферопольским Лазарем, и в настоящее время включен в паломнические туры по святым местам Крыма. Музей имеет свой сайт в интернете, и благодаря ему желающие могут подробнее познакомиться с его деятельностью. Литературный музей, впрочем, как и любой другой, – это окно в другой мир, другие времена, связующее звено между эпохами, помогающими глубже понять ту неразрывность духовных национальных традиций, которая так необходима для каждого исторического этапа нашей жизни. Творчество же И.С.Шмелева – необходимая и – прекрасная – подпитка для читателя XXI века.

В.С. Спасибо, Виктория Трофимовна, что ответили на мои вопросы. И, конечно, желаю вам успехов и в педагогической, и в научной, и в организаторской деятельности. С нетерпением буду ждать и ваших новых работ, и встреч на очередной международной конференции «Нижегородский текст».

*Нижний Новгород
Декабрь 2021 г.*